

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-1-200-220>

Научная статья / Research Article

Наказание как объект научных исследований: проблемы и перспективы

И.А. Кузьмин

Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, г. Иркутск, Российская Федерация
 grafik-87@mail.ru

Аннотация. Исследован правовой феномен наказания с позиции общей теории права. Аргументируется потребность в комплексном подходе к выявлению важнейших характеристик наказания с учетом его исторических корней, этимологии самого термина и тенденций развития. Опираясь на диалектическую методологию, автор рассматривает предпосылки становления социального института наказания, начиная с возникновения первых запретов «табу». Делается вывод об универсальном характере феномена «наказание», который применяется к любым негативным санкциям, реализуемым при возложении мер юридической ответственности как в публичном, так и в частном праве. Обосновывается повышенная актуальность проблемы адекватного осмысления правового наказания в национальном и международном праве. Дифференцированы три группы взаимодействий наказания с иными правовыми явлениями (средствами): с близкими явлениями, включающими в себя наказание (1 группа); с явлениями, функционально способствующими закреплению и реализации наказания (2 группа); с явлениями, оказывающими вспомогательный эффект на закрепление и реализацию наказания (3 группа). Продемонстрировано отсутствие последовательности (единой стратегии) в правоотворческих и правоприменительных решениях применительно к системе наказаний и ее динамике. Определены институциональные особенности системы наказаний в Российской Федерации, которые следует подвергнуть общетеоретическому анализу. Рассмотрены подходы к определению правового значения безнаказанности как самостоятельной категории юриспруденции. Приводится авторская точка зрения по вопросу о формах и содержании безнаказанности, обосновывается потребность в ее дальнейшем изучении. В качестве источниковой базы, помимо отечественных и зарубежных доктринальных и справочных изданий, использованы положения международных правовых актов, национального законодательства и материалы судебной практики. Сформулированы авторские предложения относительно направлений дальнейшего исследования категории «наказание» в общей теории права.

© Kuzmin I.A., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: запрет, санкции, юридическая ответственность, наказание, система наказаний, безнаказанность, тенденции развития, институциональность

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Дата поступления в редакцию: 28 апреля 2022 г.

Дата принятия к печати: 15 января 2023 г.

Для цитирования:

Кузьмин И.А. Наказание как объект научных исследований: проблемы и перспективы // *RUDN Journal of Law*. 2023. Т. 27. № 1. С. 200—220. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-1-200-220>

Punishment as an object of scientific research: challenges and prospects

Igor A. Kuzmin

Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation, *Irkutsk, Russian Federation*
 grafik-87@mail.ru

Abstract. Is devoted to the study of the legal phenomenon of punishment from the perspective of the general theory of law. It argues the need for an integrated approach to identifying the most important characteristics of punishment, considering its historical roots, etymology of the term and development trends. Relying on dialectical methodology, the author examines the prerequisites for the formation of the social institution of punishment, starting with the emergence of the first taboo and/or prohibitions. The conclusion determines the universal nature of the phenomenon of punishment, which applies to any negative sanctions implemented as measures of legal responsibility in both public and private law. The work substantiates an increased relevance of the issue of adequate understanding of legal punishment in national and international law. Three groups of interaction of punishment with other legal phenomena (means) are differentiated; they are interaction with similar phenomena that include punishment (group 1), interaction with phenomena that functionally contribute to the consolidation and implementation of punishment (group 2) and interaction with phenomena that have an auxiliary effect on consolidation and implementation of punishment (group 3). The lack of consistency (unified strategy) in law-making and law enforcement decisions in relation to the system of punishments and its dynamics have been demonstrated. The institutional features of the system of punishments in the Russian Federation, subject to a general theoretical analysis, have been determined. Approaches to the definition of the legal meaning of impunity as an independent category of jurisprudence are considered. The author gives his point of view on the issue of the forms and content of impunity and substantiates the need for its further study. In addition to domestic and foreign doctrinal and reference publications, the provisions of international legal acts, national legislation and materials of judicial practice are used as a source base. The author formulates proposals regarding the directions for further research of the category punishment in the general theory of law.

Key words: prohibition, sanctions, legal responsibility, punishment, punitive system, impunity, development trends, institutionality

Conflicts of interest. The author declares no conflict of interest.

Article received 28th April 2022

Article accepted 15th January 2023

For citation:

Kuzmin, I.A. (2023) Punishment as an object of scientific research: challenges and prospects. *RUDN Journal of Law*. 27 (1), 200—220. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-1-200-220>

Введение

Историю человечества неизменно сопровождают процессы возникновения, становления и совершенствования методов и средств социального регулирования. Основанные на мифах, верованиях и иных нерациональных формах общественного сознания, моонормы упорядочивали простейшие взаимодействия между первобытными людьми и их коллективами, в дальнейшем распавшаяся на обычные и религиозные нормы, нормы первобытной морали и т.д. Наиболее серьезными и требовательными к поведению людей были так называемые «табу», определяемые толковым словарем В.И. Даля как характерные для дикарей Океании запреты, наложенные на что либо, заветы и заговоры.

В словаре С.А. Кузнецова указывается на полинезийское происхождение данного термина, который означает запрет, налагаемый на какое-либо действие, слово, предмет, нарушение которого (в связи с суеверными представлениями), карается сверхъестественными силами, нечто запрещенное, на что нельзя воздействовать никаким образом¹. Аналогичную трактовку понятию «табу» дает толковый словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой². Табу могли быть связаны с запретами прикасаться к «вещам духов», спорить с шаманами, осуществлять инцесты, находиться в священных или проклятых местах и многим другим. Изначально система табу имела сакральные корни, но ее трансформации связываются с постепенным усилением социальных оснований. Так, В.В. Бочаров предположил, что страх, источником которого является норма табу, «порождает в психике человека эмоциональные переживания, служившие главной составляющей «власти традиции» (Bocharov, 2017:111).

Осмыслив «путевые точки» качественного совершенствования табу и поставив вопрос о направлениях развития актуальной «негативной методологии», В.А. Ельчанинов пришел к выводу, что система «табу» послужила основой для формирования необходимых обществу социальных запретов (Elchaninov, 2015:20—21). Р.А. Крючков полагает, что «табу» предназначены для охраны людей от опасности рисков и нередко используются в контексте риторики обвинений и обещания возмездия для связывания индивида сетью общественных обязательств. Исследователь выразил убеждение, что правовые формы фиксации рисков явлений эволюционировали от простых запретов (табу и греха) к более гибким вариациям, пригодным для использования в правовом регулировании (Kryuchkov, 2015: 135—137).

Последующее углубление в проблематику дает возможность увидеть имманентную связь между фактором запрета (табу) и последствием его несоблюдения — наказанием. Гипотетическое существование наказания за нарушение

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006. 944 с.

² Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург: «Норинт», 2000. 1536 с.

запрета и потенциальная возможность его применения образуют важнейший стимул к «правильному» поведению в соответствии с установленной нормой-воздержанием. Это чувство боязни наказания (неизбежной кары) находит свой отклик даже на уровне примитивной мировоззренческой позиции. Как верно отметил З. Фрейд, здесь «дело идет о целом ряде ограничений, которым подвергаются эти первобытные народы: то одно, то другое запрещено неизвестно почему, а им и в голову не приходит задуматься над этим: они подчиняются этому как чему-то само собой понятному и убеждены, что нарушение само повлечет жесточайшее наказание» (Freud, 1923:7).

Сказанное наводит на мысль, что действенность первозапретов в виде табу в значительной степени зависит от обеспечивающих их санкций — неотвратимых и суровых наказаний, побуждающих соблюдать охраняемые правила поведения. Д.Д. Фрэзер, систематизировав и обобщив значительный материал по верованиям, религиям и народным обычаям в разных частях Земли, уделил особое внимание ретроспективному анализу социальных запретов и табуирования. Он предположил, что страх перед наказанием и неизбежными пагубными последствиями, создающий ощущение опасности, традиционно предшествовал соблюдению запретов. Наказания за нарушения табу первично носили «таинственный характер» и являлись карой, налагаемой на человека неведомыми силами (духами, богами и т.д.). Таковые могли быть связаны с поражениями жизни или здоровья (уродство, тяжелая болезнь или даже смерть), души (одержимость, утрата души и т.д.), имущества (утрата жилища, утрата талисманами магической силы и т.д.), удачи в делах (плохой улов на протяжении длительного периода времени, невезение в охоте и т.д.) и иными обстоятельствами. Более выраженную социальную природу имели наказания в виде забивания камнями, лишения еды, потери гражданских прав (статуса) за совершение поступков «неудобных» высшим силам (Frezer, 2001:263—351).

Опираясь на тенденции развития общества, методов и средств социального регулирования, А.Р. Радклифф-Браун выразил убежденность, что «закон, мораль и религия суть три способа регулирования поведения человека, которые в обществах различного типа дополняют друг друга и сочетаются друг с другом по-разному. Для закона существуют правовые санкции, для морали — санкции общественного мнения и совести, для религии — религиозные санкции» (Radcliffe-Brown, 2001:201).

Общесоциальная система наказаний является неизменным спутником человеческого существования и частично получает свое юридическое оформление в нормах права, правоприменительных актах и действиях, а также в правовом статусе нарушителей. Предпосылки, реальное действие и последствия реализации института наказания в праве затрагивают также философскую, экономическую, политическую, психологическую, идеологическую и многие другие сферы, в каждой из которых наказание обнаруживает свое присутствие и в совокупности контекстов демонстрирует собственную эффективность, либо неэффективность.

Приветствуя достижение общемировой справедливости посредством назначения наказаний пособникам фашистского режима по итогам Нюрнбергского процесса в 1945 г., приходится с горечью констатировать волонтаристское и политически-ангажированное использование института наказаний в XXI веке, когда несправедливые санкции международного характера против России и российских граждан приобрело характер дискриминации и геноцида. Так, формальным

основанием для возложения на наше государство и соотечественников самых масштабных за последнее время международных и внутринациональных правовых санкций послужила специальная военная операция, проводимая Российской Федерацией для защиты граждан Донецкой и Луганской народных республик против украинского политического режима (де-факто попавшего под внешнее управление отдельных стран и неонацистских групп и утратившего в силу этого суверенные признаки)³. Последовавшие за этим массовые антироссийские противозаконные действия в различных странах, имеющие по форме характер наказаний, а по содержанию являющиеся неправовым принуждением, заставляют в очередной раз обратиться к основам теории наказаний и переосмыслить их на концептуально-новом уровне. Очевидно, что ставшие повсеместными увольнения граждан России, работающих за рубежом, отчисления российских студентов из зарубежных вузов, отстранения отечественных спортсменов от международных соревнований (и т.п.), которые мотивированы лишь принадлежностью к государству и этнической группе, в корне противоречат Уставу Организации Объединенных Наций и положениям всех межгосударственных договоров и соглашений в области прав и свобод человека и гражданина.

Начатое во второй половине июня 2022 г. самоуправное блокирование Литвой транзитного сообщения между основной территорией России и ее анклавом — Калининградской областью, мотивированное «поддержкой» санкций Европейского союза в ущерб двухсторонним договоренностям, создало угрозы более чем миллиону граждан нашей страны, проживающих (находящихся) в регионе. Одностороннее исключение России из состава международных организаций (советов, комиссий), обеспечивающих защиту прав и свобод граждан, наносит тяжелый удар по основам планетарной безопасности во всех ее проявлениях. Подобного рода «наказания» не способны привнести в социальную реальность ничего, кроме деструктивных трансформаций, разрушающих межнациональные коммуникации на всех уровнях.

Внутригосударственная организация системы правовых наказаний в России и многих других странах также демонстрирует схожие проблемы, связанные с отсутствием единой концепции принятия правотворческих и правоприменительных решений. В результате возникают сложности с разграничением оснований применения наказаний в разных отраслях права, возможности для безнаказанного поведения, неединообразное применение наказаний, в том числе вопреки принципам права, дефекты процессуальной формы и многое другое. Преодоление подобных негативных обстоятельств видится нами в создании и обосновании концептуальной модели системы наказаний, которая позволит связать воедино все необходимые элементы правовой материи и показать их в требуемом срезе, понятном для восприятия представителей отраслевого знания и практиков.

Поскольку наказание представляет собой форму государственного принуждения, его исполнение предопределяет характер основного метода правового регулирования — императивный, предполагающий неравенство субъектов правоотношений. Однако это не исключает применения и иных методов правового регулирования — диспозитивного, поощрения и т.д. (Komarov, 2022:374).

³ Егоров И. 13 ответов на вопросы о причинах спецоперации на Украине // Российская газета. 2022. 23 марта.

С учетом социальной проблематики наказания как обязательного средства социального регулирования в настоящем исследовании будет предпринята попытка рассмотреть данный феномен в качестве объекта правовых исследований с позиции его сущности, системных проблем и перспектив для теории права. Достижение поставленной цели потребовало использования широкой методологии и инструментария, задействования наравне с общенаучными также специальных и частнонаучных приемов. Обращение к нормативным источникам, судебной практике и разнообразной научной литературе предметной и междисциплинарной направленности позволило обосновать авторскую гипотезу относительно специфических и малоизученных свойств наказания, нуждающихся в качественной проработке на общетеоретическом уровне.

Понятие и институциональность наказания в праве

Наказание относится к числу стержневых правовых категорий, которые получают свою прописку в законодательстве и находят выражение в юридической практике, становится предметом научных дискуссий и обсуждений в контексте частных теорий юридической ответственности, правового регулирования, реализации права, законности и правопорядка.

В словаре В.И. Даля наказание соотносится с наложением взыскания, карой, взыскиванием за вину. Словари под редакцией Д.В. Дмитриева⁴ и А.П. Евгеньевой⁵ характеризуют наказание как специальную меру воздействия, применяемую в отношении человека, виноватого в совершении какого-либо проступка, преступления. Д.Н. Ушаков в своем словаре понимает под наказанием взыскание, налагаемое имеющим право, власти или силу, на того, кто совершил преступление или проступок, а также кару⁶. Схожая дефиниция предлагается в словарях С.А. Кузнецова⁷, С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой⁸. По мнению автора словаря А.А. Шушкова, наказывать значит «предпринимать определенные меры по отношению к тому, кто совершил плохой поступок, преступление и т.п.»⁹. Энциклопедия «Британика» (*Encyclopædia Britannica*) раскрывает содержание наказания в праве («Punishment») через причинение человеку какого-либо страдания (боли, мучений) или лишений (потери, утраты) за совершенный проступок, выраженных в самих различных формах¹⁰. По мнению авторов международного проекта «Новая

⁴ Толковый словарь русского языка: Около 7 000 словарных статей: Свыше 35 000 значений: Более 70 000 иллюстративных примеров / под ред. Д.В. Дмитриева. М: Астрель, 2003. 1582 с.

⁵ Словарь русского языка: в 4-х томах, Том 2: К—О / Академия наук СССР, Институт русского языка; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотипное. М.: Русский язык, 1986. 736 с.

⁶ Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка: 100 000 слов и словосочетаний. М.: Аделант, 2013. 799 с.

⁷ Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1536 с.

⁸ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006. 944 с.

⁹ Шушков А.А. Толково-понятийный словарь русского языка: 600 семантических групп: около 16500 слов и устойчивых выражений / Институт лингвистических исследований Российской академии наук. М.: АСТ, 2008. 988 с.

¹⁰ Clarke D.C. et al. Punishment. *Encyclopedia Britannica*. 22nd December 2021. Режим доступа: <https://www.britannica.com/topic/punishment> (дата обращения: 14.07.2022).

всемирная энциклопедия» (New World Encyclopedia), наказание проявляется в практике навязывания человеку чего-то неприятного в ответ на какое-то нежелательное (аморальное) его поведение или непослушание. С позиции права наказание является санкционированным возложением лишений за виновный поступок, лишением чего-то ценного, причинением чего-то неприятного или болезненного наказываемому лицу¹¹.

Очевидно, что словарные статьи в толковании основных признаков наказания обнаруживают некоторое единство в трех принципиальных моментах: 1) наказание связано с неблагоприятными последствиями; 2) наказание возлагается за нарушение; 3) возложить (применить) наказание может не кто угодно, а определенный субъект, наделенный таким правом. Объединив данные признаки, мы получаем следующее определение наказания: *возлагаемая управомоченным субъектом мера воздействия, связанная с претерпеванием нарушителем социальных норм дополнительных лишений (неблагоприятных последствий)*. Такая дефиниция вполне коррелируется с официальными правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации (далее — Конституционный Суд РФ), в которых наказание традиционно рассматривается в качестве установленной государством меры ответственности за совершение правонарушения (например, в постановлении от 07 марта 2017 г. № 5-П).

С.Н. Борисов и А.С. Горайнова, отмечая, что проблема наказания является не только практической, но и теоретической проблемой, высказали мысль о динамичном изменении подходов к пониманию наказания в конкретно-исторических обстоятельствах. По их мнению, наказание — это благо для жертвы, рода, божества, общества и самого правонарушителя (Borisov & Goryainova, 2019:40).

А.П. Кузнецов и С.И. Курдюков полагают, что институт наказания занимает особое место среди других правовых институтов, так как его целевым ориентиром является восстановление социальной справедливости, исправление нарушителей и предупреждение правонарушений. Достижение поставленных целей позволяет получить социально-полезный результат, определить допустимые пределы применения государственного принуждения, обозначить направления по укреплению правопорядка, совершенствовать систему наказаний и в общем повысить эффективность института наказания (Kuznetsov & Kurdyukov, 2019:4).

А.С. Морин, задумавшись о предназначении и циклах правового наказания в обществе производства и потребления, приходит к выводу, что наказание в современном обществе является методом исправления допущенных разрывов социальной гармонии. Кроме того, наказание позволяет выявить взаимосвязи различных элементов репрессивного механизма и увидеть в нем средство установления (увековечивания) неравенства среди людей. Наказание используется государством для создания социального порядка и может быть использовано для контроля над жизнью правонарушителя или меньшинства, что позволяет поддерживать статус-кво общества и не давать возможности классу меньшинства угрожать гегемонии доминирующей группы (Maureen, 2020).

Некоторые, укоренившиеся в юриспруденции, взгляды исходят из понимания наказания в качестве правовой конструкции системы публичного права (прежде

¹¹ Punishment. New World Encyclopedia. Режим доступа: <https://www.newworldencyclopedia.org/entry/Punishment> (дата обращения: 14.07.2022).

всего уголовного и административного), предпочитая называть схожие правовые конструкции в частном праве негативными санкциями или мерами ответственности. В международном праве наказаниями принято именовать негативные санкции в отношении отдельных физических лиц, совершающих международные преступления или преступления международного характера (Stromov, 2016:216—224), тогда как соответствующие меры в отношении государств и международных организаций обычно называют мерами международно-правовой ответственности или международно-правовыми санкциями или юридическими последствиями (резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных наций от 12 декабря 2001 г. № 56/83; Текст проектов статей об ответственности международных организаций, принятый Комиссией до настоящего времени в предварительном порядке: официальные отчеты Шестьдесят третьей сессии Дополнение № 10 (A/63/10)). Вопреки обозначенной позиции А.С. Родионова предприняла попытку сформулировать дефиницию «правовое наказание» как особого средства правового ограничения, которое применяется в специальном процессуальном порядке за совершенное правонарушение на одной из стадий реализации юридической ответственности для общей и частной превенции, а также исправления правонарушения (Rodionova, 2010:19—20).

Функциональное назначение наказания было убедительно сформулировано С.С. Алексеевым, рассматривающим данный феномен, совместно с иными охранительными правовыми средствами, в качестве носителя «силы, которая заложена в государственно-властном воздействии». Эти охранительные средства создают своего рода стену, ограждающую общество от нежелательного (вредного, опасного) поведения в системе «юридические обязанности — ответственность». Таким образом, предполагается исключение из жизни общества известного поведения, либо (если оно все же возникло) — сведение к минимуму неблагоприятных последствий, заглаживая вред и предупреждая его возникновение в будущем. Наказание, наряду с другими существенными элементами собственной силы права, характеризует собственную ценность права и достоинства юридической формы, включающие обязательную нормативность, четкую фиксированность запрещенного поведения и мер ответственности, а также их обеспеченность государственным принуждением, наличие процессуальных форм, гарантирующих интересы различных лиц (Alekseev, 1995:170—172).

С. Рапони убеждена, что без суверенной власти, которая способна обеспечивать соблюдение контрактов под угрозой наказания, люди всегда найдут веские причины нарушать договоренности и права других, если это отвечает их интересам и когда им это может сойти с рук без видимых последствий. При этом она опирается на позицию Т. Гоббса, обозначенной в произведении «Левиафан». Философ утверждает, что обязать кого-либо делать что-то противоречащее его интересам нельзя. И если заключается договор, то выполнять его без реальной гарантии ответного исполнения будет нерационально. Угроза же наказания дает каждому повод подчиниться и создает уверенность в том, что и другие будут следовать заключенным соглашениям (Raponi, 2015:42).

Мы отмечаем универсальный характер наказания и полагаем необходимым усовершенствовать и расширить предложенные теоретические подходы к пониманию этого феномена. В частности, представляется обоснованным:

— признать возможность возложения наказания как за нарушение запретов, так и за неисполнение активных обязанностей (запрет на бездействие);

— распространить термин «наказание» на формы реализации любых видов публично-правовой и частноправовой ответственности, преодолев его искусственное ограничение уголовно-правовыми и административно-правовыми отношениями;

— учесть неразрывную диалектическую связь между юридической ответственностью и наказанием, выраженную в их взаимопроникновении и взаимообусловленности;

— рассматривать наказание как основную форму реализации юридической ответственности со специфическими характеристиками и социально-правовым воздействием;

— считать карательную функцию наказания не единственной и не всегда основной, с учетом различных отраслей права и регулируемых отношений;

— дополнительно охарактеризовать причинно-следственную связь между наказанием и противоправным поведением, выявив необходимую информацию из социальных обстоятельств, сложившихся в связи с совершением правонарушений;

— разобраться в соотношении наказания с иными принудительными мерами, включая меры юридической ответственности, профилактики, защиты и безопасности;

— оценить методологию исследования и методики возложения наказаний с позиции их социальной адекватности и применимости;

— в целом произвести аудит имеющихся научных воззрений в области зарождающейся теории наказаний и способствовать выработке ее концептуальных положений.

Качественное развитие института наказания и его применения связано с повышением уровня правотворческой и правоприменительной техники с акцентом на правила социальной адекватности. С одной стороны — наказание не должно быть избыточно жестким, с другой — избыточно мягким. Административное усмотрение в установлении наказания следует ограничить таким образом, чтобы снизить риски коррупционного поведения и халатного отношения к своим обязанностям для лиц, возлагающих наказания. В то же время процедура возложения наказания должна обеспечивать возможность оперативного и всестороннего рассмотрения дел, вытекающих из нарушений, включая равенство всех участников процесса при соблюдении презумпции невиновности.

Целеполагание в части правового закрепления и реализации норм института наказаний также нуждается в уточнении. Основную цель борьбы с наказаниями необходимо сопоставлять с целью обеспечения необходимой безопасности для государства, общества и личности. Опасность одиночного преступления часто не идет ни в какое сравнение с социально-массовыми административными правонарушениями, оказывающими разрушительный эффект на общественные отношения. В конечном итоге важен не сам факт наказания (его назначения и отбытия, фиксации в официальной правовой отчетности и статистике), а тот социальный результат, который достигается посредством воздействия на правонарушителя и нарушенные им социальные связи. Следовательно, из целевых ориентиров наказания следует «вытравить» факторы политической ангажированности, мести, дискриминации (включая геноцид), равнодушия и ряд других «человеческих пороков», которые, преломляясь через сознание правотворца (правоприменителя), способны перевести наказание из разряда полезных правовых средств в статус вредных. Как верно обозначил Конституционный Суд РФ в определении от

18 сентября 2014 г. № 1817-О «Не наказание любой ценой, а права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов... как это следует из статьи 18 Конституции Российской Федерации». Соответствующие положения требуется внедрить в структуру образовательных стандартов (программ) юридической и близкой им направленности и учитывать в ходе организации и осуществления любых мероприятий, направленных на повышение уровня правовой культуры и правосознания населения.

Будучи изначально юридической, категория «наказания» в праве затрагивает целый пласт реальности, обладает как объективным (собственно-социальным), так и субъективным (психологическим, психическим) содержанием, которые необходимо учитывать. С позиции инструментальной теории наказания в праве — это закрепленные в правовых нормах негативные лишения, которые могут быть применены уполномоченными субъектами в отношении лиц, совершающих противоправные акты, и которые образуют у последних дополнительные обязанности претерпеть соответствующие принудительные лишения. Вопрос о том, рассматривать наказание как институт права (систему норм), либо как форму реализации ответственности в конкретном правоотношении, следует решать исходя из поставленных научно-исследовательских либо практико-ориентированных целей.

Связь наказания с иными правовыми категориями

Самостоятельность наказания в системе правовых явлений определяется наличием множественных связей и взаимодействий между различными элементами данной системы. Безусловные взаимодействия с наиболее крупными правовыми образованиями (правовой системой, системой права, системой правового регулирования и т.д.) учитываются нами «по умолчанию» как необходимый фундамент для оценки прямых и обратных связей наказания с правовыми явлениями более частного порядка. Мы предлагаем дифференцировать соответствующие связи на три группы:

— первая группа: связи с ближайшими правовыми явлениями, организационно включающими в себя наказание (государственное принуждение, юридическая ответственность, охранительный правовой режим и т.д.);

— вторая группа: связи с правовыми явлениями, которые функционально способствуют закреплению и реализации наказания (нормы права, акты реализации обязанности, акты применения права, правоотношения и т.д.);

— третья группа: связи с правовыми явлениями, оказывающими вспомогательный эффект на закрепление и реализацию наказания (правовая культура, правосознание, правовое воспитание и т.д.).

Связи *первой группы* имеют особую важность в познании сущности наказания, которое выступает неотъемлемой частью соответствующих правовых явлений. Так, любое наказание обладает принудительным потенциалом, реализация которого на уровне индивидуального правового регулирования может быть неизбежной либо эвентуальной. К примеру, все уголовные наказания реализуются исключительно в принудительной форме, в то время как отдельные налоговые, гражданско-правовые и некоторые иные наказания (санкции) могут осуществляться в добровольной форме, посредством самостоятельных действий нарушителя по исполнению своей обязанности уплатить налоговую санкцию, договорную неустойку и т.д.

Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 06 февраля 2018 г. № 6-П указал, что меры налогового принуждения могут иметь штрафной характер, будучи мерами юридической ответственности (наказанием). Еще в постановлении от 15 июля 1999 г. № 115 он сформулировал правовую позицию о том, что штрафы носят карательный характер и являются наказанием за налоговое правонарушение, то есть за предусмотренное законом противоправное виновное деяние, совершенное умышленно либо по неосторожности. В абз. 2 п. 1 ст. 104 Налогового кодекса Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ содержится норма об обязанности налогового органа предложить лицу, привлекаемому к ответственности за совершение налогового правонарушения, добровольно уплатить сумму налоговой санкции. Из этого вытекает однозначный вывод о наличии случаев, когда наказание может реализовываться в добровольной форме.

В отношении гражданско-правовой ответственности орган высшего конституционного контроля уточнил, что общеправовые положения, на которых основывается публично-правовая ответственность, также применимы и «к регулированию гражданско-правовой ответственности в той мере, в какой устанавливаемые законодателем штрафные по своему характеру санкции выполняют и публичную функцию превенции» (постановление Конституционного Суда РФ от 13 декабря 2016 г. № 28-П). Применительно к гражданско-правовой ответственности за нарушения в сфере интеллектуальной собственности было обозначено, что размер последней может превысить предел допустимости (справедливости, равенства) и привести к отступлению от ст. 21 Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. в части запрета на наказания, унижающие человеческое достоинство (постановления от 13 декабря 2016 г. № 28-П, от 24 июля 2020 г. № 40-П). Обращение в доход государства имущества, принадлежащего служащему и членам его семьи, законность которого не подтверждена, в соответствии с пп. 8 п. 2 ст. 235 Гражданского кодекса РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ была названа в постановлении Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 26-П особой формой государственного принуждения, к которой применимы общеправовые положения о имущественной ответственности в виде наказаний.

Все виды юридической ответственности должны обладать разумным и сдерживающим потенциалом, чтобы обеспечить имеющиеся запреты и отвечать главному предназначению государственного принуждения — превентивному действию для защиты прав, свобод и ценностей гражданского общества и правового государства (постановление Конституционного Суда РФ от 24 мая 2021 г. № 21-П). К дисциплинарной ответственности (взысканиям) применяются базовые принципы привлечения к юридической ответственности, включая дифференциацию наказания по тяжести содеянного и иных обстоятельств (постановление Конституционного Суда РФ от 06 декабря 2012 г. № 31-П).

Связи *второй группы* показывают место наказания в общей динамике механизма правового регулирования, в том числе переход наказания от нормативного к индивидуальному уровню правового регулирования. Будучи частью формального правопорядка, наказание закрепляется в санкциях правовых норм и обобщенно именуется «системой наказаний», обнаруживая наиболее тесные связи с такими правовыми средствами, как нормы права, источники права и нормативные акты толкования права. В конкретных правоотношениях наблюдается более тесное взаимодействие наказаний с актами применения права (фиксирующими меру

и вид наказания для конкретных правонарушителей и отдельные этапы процесса в рамках производства по делу), а также с актами реализации обязанностей (исполнения наказаний правонарушителями). Учитывая наличие множества функциональных элементов в реализации наказания, следует избирать в качестве предмета исследования определенный ракурс данного феномена и рассматривать обозначенные компоненты в соответствующем отношении. Например, обращение к системе уголовных наказаний неизбежно влечет за собой анализ уголовно-правовых норм и актов их нормативного толкования — постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

В постановлении от 18 июля 2008 г. № 10-П Конституционный Суд РФ указал, что возложение на предпринимателей в соответствии с Федеральным законом «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ дополнительной обязанности по возмещению расходов, понесенных органами государственного контроля (надзора) «в связи с проведением соответствующих исследований (испытаний) или экспертиз, по сути, представляет собой публично-правовое изъятие собственности правонарушителя, которое, следуя за его административным наказанием, фактически выступает аналогом публично-правового наказания... в нарушение общеправового принципа „non bis in idem“». В предложенном примере была выявлена некорректная связь между системой наказания и системой правозащитных мер, в результате появления которой в число наказаний фактически вошла мера, юридически не имеющая к последним никакого отношения. Причиной такой ситуации, мы полагаем, стало отсутствие системного понимания законодателем отличий между различными мерами государственного принуждения и непротиворечивого восприятия специфики системы наказаний с надотраслевых позиций. Н. А. Власенко особо отметил, что такие риски как сбои и дефекты отрицательно влияют на достижение запланированного социального результата. Вред, причиняемый нарушениями принципа системности законодательства, очевиден (Vlasenko, 2019:139).

Связи *третьей группы* — с правовыми явлениями, оказывающими вспомогательный (непрямой) эффект на закрепление и реализацию наказания, представляются наиболее сложными и неоднозначными для изучения. Идеологические (духовные) по своей природе, правосознание, правовая культура и правовое воспитание (другие феномены) создают условия, которые способствуют либо препятствуют достижению задач закрепления, возложения и исполнения наказаний. Гипотетически высокий уровень правовой культуры населения должен положительно сказываться на эффективности института наказания. Вместе с тем ожидаемый «эффект» возможен лишь в случае достижения высоких показателей социальной адекватности системы наказаний и правоприменительной практики, основанной на принципах равенства, оперативности, неотвратимости и справедливости. Низкий уровень правовой культуры общества, напротив, может выразиться в публичном одобрении жестоких и несправедливых наказаний, вопреки здравому смыслу и принципу гуманизма. К примеру, М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин правильно ставят вопрос об уголовном наказании как отражении культурных установок общества. По мнению авторов, введение наказаний за отдельные акты, обладающие сомнительной общественной опасностью, зачастую выглядят как игра на низменных чувствах (инстинктах) определенных граждан, их использование

в провокационных целях. Повышение уровня культуры, в том числе правовой, безусловно окажет позитивное влияние на развитие института уголовного наказания, но этот процесс нельзя в точности спрогнозировать в связи с неоднородностью культуры и отсутствием прямой (линейной) связи между культурой и наказанием. Данная связь опосредуется преимущественно политическими и профессионально-юридическими элементами (Babaev & Pudovochkin, 2016:16).

Предложенная дифференциация взаимодействия наказания с иными правовыми явлениями (средствами) может быть использована в юридической практике для выстраивания единой и согласованной системы требований к формированию института наказаний и методам (методикам) его реализации.

Система наказаний в праве как теоретическая и практическая проблема

Понятие «система наказаний» в юридическом и политологическом контексте относится к часто употребляемым. Говоря о системе наказаний, принято подразумевать под ней комплекс взаимосвязанных между собой и распределенных (структурированных) по определенным принципам видов наказаний, закрепленных в правовых нормах. В этом плане система наказаний относится скорее к объективному праву и имеет ярко выраженный нормативный характер. С точки зрения логики система наказаний — собирательное понятие, поскольку в нем «мыслятся признаки некоторой совокупности элементов, составляющих единое целое» (Kirillov & Starchenko, 2008:37). Функциональную характеристику системы средств, способствующих возложению наказаний, предпочитают фокусировать в термине «система назначения наказания» (Dolgoplov, 2020:268—270), а способствующих их реализации — в термине «система исполнения (отбывания) наказаний» (Malin, 2011:80—83).

Безусловным является тезис о неразрывной связи правопорядка и системы норм, поскольку фактический правопорядок должен стать закономерным результатом воплощения в жизнь внутреннего (формального) правопорядка, выраженного в согласованной совокупности норм. В данном смысле система наказаний — частное проявление (участок) системы права, принадлежащее некоторой совокупности норм. Так, отраслевая совокупность норм, содержащих наказание, позволяет констатировать наличие системы уголовных наказаний, административных наказаний, дисциплинарных взысканий (наказаний) и т.д. Разграничение норм, содержащих наказания, по обеспечиваемому интересу обосновывает существование наказаний в публичном и частном праве. Иными словами, подходов для «систематизации» наказаний может быть достаточно много. В свою очередь, под «официальной» системой наказаний обычно понимают закрепленный в законе «перечень» видов конкретных наказаний, которые могут быть возложены легальным образом. Они могут распределяться в произвольном порядке либо по критериям: от более мягких к более тяжким, от основных к дополнительным, от ранее введенных к введенным позднее и другим.

В определенной степени система наказаний показывает границы вариативности при выборе меры наказания конкретному субъекту. Следует помнить, что отдельные наказания не могут применяться по отношению к некоторым группам правонарушителей. Например, в России носителями уголовного наказания могут выступать только физические лица (ст. 19 Уголовного кодекса Российской

Федерации — УК РФ). Содержание в дисциплинарной воинской части, как вид уголовного наказания, назначается исключительно лицам, имеющим статус военнослужащего (ст. 55 УК РФ). Административное приостановление деятельности, как вид административного наказания, может применяться исключительно к юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям (ст. 3.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях — КоАП РФ), а административное выдворение за пределы Российской Федерации возможно лишь в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства (ст. 3.10 КоАП РФ).

В свою очередь, отсутствие границ вариативности санкций-наказаний в международном праве наглядно демонстрирует отсутствие каких-либо разумных начал в возложении наказаний на основных суверенных субъектов — государства. Так, в отношении России в феврале—марте 2022 г. были совершены беспрецедентные волонтаристские действия¹² по заморозке золотовалютных активов России в иностранных ценных бумагах, аресту государственного имущества за рубежом и применению иных односторонних санкций-наказаний вне установленных процессуальных форм, без участия органов правосудия. Данные примеры убедительно доказывают, что отсутствие какой-либо адекватной систематизации санкций в межгосударственных отношениях может привести к абсурдным ситуациям, когда законные интересы суверенных государств могут подвергаться нападкам со стороны других государств вопреки нормам важнейших международных документов, включая положения Устава Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г.

Любые трансформации системы наказаний в национальном праве следует производить с учетом возможных последствий. К примеру, избыточное повышение значения принципов «экономии уголовной репрессии» или гуманизма, расширение судебного усмотрения по назначению наказаний «ниже низшего» или даже отказа от их применения (в том числе с заменой на судебный штраф) относятся к негативным факторам. В свою очередь высказываемые многочисленными юристами пожелания по систематизации санкций конституционно-правовой ответственности, усилению имущественной ответственности должностных лиц (наказаниями на стыке административной, материальной и гражданско-правовой ответственности) и видовому расширению наказаний (многое другое) также не следует рассматривать в качестве руководства к действиям, оценив реальный эффект от соответствующих нововведений для системы наказаний. Важно осознавать романо-германские корни российской правовой системы, помнить об исключительной (ограниченной в некоторой степени) роли наказания в поддержании правопорядка и его зависимости от охраняемых правоотношений, и правонарушений, влекущих юридическую ответственность. Снижение числа ошибочных и несправедливых случаев возложения наказаний относится к одному из индикаторов эффективности системы наказаний, которую необходимо выстраивать на основе принципа правовой определенности.

Наблюдаемые на сегодняшний день правотворческие и правоприменительные тенденции развития системы наказаний в Российской Федерации, нуждающиеся в общетеоретическом анализе, преимущественно сводятся к следующему:

¹² Путеводитель по санкциям и ограничениям против Российской Федерации (после 22 февраля 2022 г.) // Справочная правовая система «Гарант». Режим доступа: <https://base.garant.ru/57750632/> (дата обращения: 04.07.2022).

- ужесточение наказаний в области государственного и муниципального управления, а также в сфере общественного порядка и безопасности;
- дальнейшая дифференциация наказаний, связанная с выделением подвидов;
- расширение числа противоправных деяний, служащих фактическими основаниями для возложения наказаний, сопряженное с повышением абстрактности их формулировок;
- усиление значения рецидива для ужесточения наказаний, включая межотраслевые связи ответственности (например, случаи, когда повторное совершение административного правонарушения рассматривается в качестве преступления и влечет уголовную ответственность).

С позиции общей теории права необходима разработка универсальных критериев дифференциации наказаний и создание, на этой основе, общетеоретической модели системы наказаний. Потребность в подобном рода юридической конструкции назрела уже давно и находит свое фактическое подтверждение в практике правового регулирования отношений на национальном и в международном праве.

Безнаказанность и ее влияние на правовой институт наказания

Наказание в праве предполагает возложение на правонарушителя определенных лишений. В свою очередь безнаказанность в праве означает отсутствие («невозложение») наказания на правонарушителя, который должен его претерпеть. Безнаказанность — антипод наказания, который имеет собственное правовое содержание с объективной (внешней) и субъективной (внутренней) стороны. Внешняя сторона безнаказанности характеризует ситуации, в которых механизм реализации юридической ответственности не срабатывает, либо срабатывает неэффективно, в результате чего часть правонарушителей получают более мягкие наказания, не соответствующие степени общественной вредности совершенных ими деяний, либо избегают наказания в тех обстоятельствах, где этого не должно было случиться. В субъективном смысле безнаказанность означает такое свойство правосознания, при котором лицо приобретает уверенность в возможности совершения противоправных действий (влекущих ответственность по закону) без негативных юридических последствий для себя. Как верно отмечал в своем трактате «Об уме» К. А. Гельвеций, «надежда на безнаказанность увеличивает число преступлений... снисхождение, оказанное преступнику, есть по отношению к обществу несправедливый поступок» (Helvetius, 1938:46). По мнению философа, мы бываем тщеславными, заносчивыми и несправедливыми всегда, когда можем делать это безнаказанно, погружаясь в иллюзию своей исключительности (Helvetius, 1938:63).

По мнению Комитета Министров Совета Европы, изложенном в Руководящих принципах по искоренению безнаказанности за серьезные нарушения в области прав человека («Guidelines of the Committee of Ministers of the Council of Europe on eradicating impunity for serious human rights violations») от 30 марта 2011 г., факты безнаказанности лиц за совершенные нарушения прав человека причиняют дополнительные страдания потерпевшим, а борьба с ними относится к вопросам справедливости в отношении потерпевших и профилактике новых нарушений.

Каждое государство в лице всех своих органов и организаций должно устранять лазейки в законах и пробелы в законодательстве, способствующие безнаказанности. Сделан акцент на механизме применения уголовных и дисциплинарных мер, искоренении культуры безнаказанности, посредством установления соответствующих мер ответственности, разработке планов по борьбе с дискриминацией, порождающей безнаказанность и проведении эффективных расследований случаев серьезного нарушения прав человека.

Ранее Комиссия по правам человека ООН в своей резолюции от 25.04.2002 г. № 2022/79 «Безнаказанность» установила, что лица, которые совершили военные преступления, должны преследоваться или быть выданы.

Конституционный Суд РФ рассматривает безнаказанность в качестве особого правового состояния (атмосферы), сохранение которого ставит под сомнение принудительное государственно-правовое обеспечение надлежащего порядка в различных отношениях и нарушает принцип неотвратимости наказания, что требует взвешенного правоприменительного подхода, например, в части признания нарушения малозначительным (постановления Конституционного Суда РФ от 06 апреля 2021 г. № 10-П и от 17 февраля 2016 г. № 5-П).

В научной литературе высказаны следующие авторские подходы относительно правового значения безнаказанности:

— безнаказанность как негативный результат правового регулирования в форме правонарушения (Р. А. Семенюк);

— безнаказанность непосредственно связана с наказуемостью и противопоставляется ей в соразмерной, соответствующей принципу гуманизма форме (И. А. Подройкина);

— безнаказанность выражена в непривлечении лица к ответственности, освобождению его от ответственности и может быть закреплена нормативно, возникая в связи с неразумным расширением принципов гуманизма (А. М. Смирнов);

— безнаказанность является фактором, выявляемым в юридической практике и способном проявляться в отношении как конкретных дел, так и неопределенного круга дел (П. В. Оскар);

— другие.

Соответствующие рассуждения наводят нас на следующие мысли:

— безнаказанность является антиподом по отношению к наказанию и находится в той же системе координат, что и категории «юридической ответственности» и «юридическая безответственность» (о чем в своих работах рассуждали А.С. Бондарев и Д.А. Липинский);

— безнаказанность может проявляться как в необоснованном смягчении наказания (в том числе замены ответственности за преступление ответственностью на проступок), так и в полном уходе правонарушителя от каких-либо негативных лишений;

— безнаказанность выражается в нормативном и индивидуально-правовом смысле, имеющих непосредственную связь с механизмом реализации юридической ответственности и правосознанием;

— безнаказанность характеризуется множеством форм проявления, борьба с которыми требует не только правоприменительных, но и правотворческих решений, сопровождаемых качественным нормативным и казуальным толкованием;

- безнаказанность выступает своеобразным индикатором дефектов в законодательстве и проблем в правоприменительной практике;
- безнаказанность обладает тенденцией к расширению и сужению не только на индивидуальном, но и на социально-массовом уровнях;
- с позиции криминологии, правовой статистики и социологии безнаказанность коррелируется с уровнем преступности (правонарушаемости);
- комплексное исследование проблем безнаказанности требует обращения к вопросам юридической психологии, с точки зрения формирования и усиления «чувства безнаказанности», которое способно вызвать презрительное отношение к обязательным принципам и нормам.

Первичное приближение и осмысление безнаказанности в общей теории права видится нам в контексте развития частной теории юридической ответственности и наказания. Очевидно, что потребность в исследовании правового феномена (состояния) безнаказанности существует объективно и соразмерна потребности дальнейшего изучения состояний наказанности и наказуемости. Следует понимать, что любое проявление факта «безнаказанности» независимо от вида и рода должно войти в зону самого пристального внимания субъектов правотворчества и правоприменения для принятия решений по преодолению этого состояния. Вместе с тем законодателям и правоприменителям всех уровней необходимо осознавать «границы безнаказанности» выше пределов, которых наказание должно наступать с неизбежностью, а ниже пределов — не применяться вовсе. Наглядным примером игнорирования нижнего предела может послужить история Кертиса Уилкерсона, который за кражу пары белых носков из магазина по закону штата Калифорния (с учетом двух прежних судимостей) был приговорен к пожизненному лишению свободы с возложением штрафа в 2500 долларов¹³. Д.К. Хэдфилд и Б.Р. Вангаст видят определенные возможности для развития безнаказанности в традиционном подходе к осуществлению государственной власти. Исследователи отмечают, что при таком ракурсе практически не уделяется внимание роли децентрализованных правоприменительных мер в виде коллективных наказаний, когда последние налагаются самостоятельными действиями лиц, не выступающих в официальном качестве. Отказ от признания действительности принудительных механизмов силы репутации, бойкота, возмездия и стыда не отвечает логике. Требуется искать и находить легальные способы использования соответствующих децентрализованных механизмов наказания для превентивных действий, перед непосредственным применением сил государственного принуждения, которые могут и не пригодиться (Hadfield & Wangast, 2013:3—4).

В докладе Всемирного Банка за 2017 г. (World Development Report 2017¹⁴) последовательно проводится мысль о том, что подчинение людей закону без угрозы применения наказания возможно, если они считают этот закон продуктом легитимной системы. Люди могут добровольно следовать закону также в случае, когда он устанавливает правила «нейтральной деятельности», по поводу которой граждане не имеют особых нормативных привязанностей. Подобная ситуация имеет

¹³ Taibbi M. Cruel and Unusual Punishment: The Shame of Three Strikes Laws. Rolling Stone. 2013. Режим доступа: <https://www.rollingstone.com/> (дата обращения: 04.07.2022).

¹⁴ World Development Report 2017: Governance and the Law. Washington, DC, World Bank, 2017. P. 83—90. Режим доступа: <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2017> (дата обращения: 04.07.2022).

место при движении по правой или левой стороне дороги, которую соблюдают без боязни наказания, а потому что это способствует безопасности дорожного движения (URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/25880>).

Исследование правового содержания категории «безнаказанность» отвечает интересам государства, общества и личности, позволит в должной степени уточнить границы противоправного поведения и обеспечить получение более точных практико-ориентированных сведений относительно принципа неотвратимости наказания.

Перспективы разработки общей теории наказания и предполагаемые результаты (на правах вывода)

Теория наказания является перспективным для исследований элементом общей теории права, приближенным к практике и обладающим собственным кругом вопросов, требующих концептуального подхода. Как верно заметил А. В. Малько, общая теория наказания еще не разработана (Malko, 2018:17). Имеющиеся в нашем распоряжении источники права, материалы юридической практики, доктринальные, справочные, статистические и иные источники наглядно демонстрируют повышенный интерес к категории «наказание», а также производным от нее феноменам (правовое наказание, безнаказанность и т.д.). Обобщенная информация о состоянии разработки теории наказания побуждает обозначить наиболее актуальные перспективы ее формирования.

Тенденции развития института наказания, обозначенные в работе, находят свои преломления в различных сферах социального регулирования, раскрывая различные «границы» феномена наказания. В целом, исторические закономерности развития наказаний в общемировой практике демонстрируют общие векторы, которые проявляются в следующих «переходах»:

- 1) от сакральной к социальной природе наказания;
- 2) от бесосновательных наказаний к обоснованным;
- 3) от нерациональной к рациональной форме наказания;
- 4) от антигуманной к гуманной направленности наказания;
- 5) от карательной к правосстановительной целевой установке наказания;
- 6) от политических к юридическим основаниям возложения;
- 7) от сугубо-одиночных наказаний к наказаниям основным и дополнительным;
- 8) иные.

Мы вынуждены констатировать, что современные реалии жизни показывают повсеместное ослабление правовой составляющей наказания, которое зачастую превращается в инструмент политической, экономической и идеологической борьбы, вопреки своей основной функции обеспечения правопорядка, построения правового государства и гражданского общества. Тем самым путь правогенеза наказания обращается вспять, возвращая его к «базовым» сакральным, бесосновательным, нерациональным, антигуманным, политически-ангажированным и карательным ориентирам. Фиксируется бессистемность в правовом закреплении института наказания и отсутствие единого и непротиворечивого его понимания субъектами правоприменения, разрозненность во взглядах относительно принципов и механизмов возложения наказания, а также консенсуса по многим другим вопросам, требующими решения на общетеоретическом уровне.

По итогам концептуального исследования проблематики предполагается получить следующие результаты.

Во-первых, определение общих признаков наказания и специфики методологии его изучения. В этом блоке следует рассмотреть проблемы философско-правового осмысления феномена наказания, а также многозначность его интерпретаций в общей теории права. Методологические подходы к исследованию правового наказания уместно формировать с учетом диалектического единства наказания и правонарушения.

Во-вторых, установление места и роли наказания в процессе правового регулирования в контексте взаимосвязи с основными средствами правового регулирования и взаимодействия с негативными санкциями, мерами государственного принуждения и мерами безопасности.

В-третьих, определение особенностей взаимодействия наказания и юридической ответственности. В данном блоке необходимо рассмотреть наказание в качестве элемента системы юридической ответственности, средства профилактики противоправного поведения и критерия дифференциации ответственности в объективном и субъективном праве. Дополнительно следует обратить внимание на соотношение «мерности» наказания с принципами юридической ответственности.

В-четвертых, постановка важнейших теоретических проблем построения системы наказаний и подходов к их разрешению. Этот блок подразумевает исследование системы наказаний в контексте развития теории систем, оценка параметров «адекватности» как социально-правового критерия эффективности системы наказаний. Кроме того, потребуются исследование системных связей и противоречий наказаний в публичном и частном, а также материальном и процессуальном праве.

В-пятых, обозначение проблем понимания наказания в международном праве, исходя из особенностей межгосударственных отношений, начиная с проблем унификации системы наказаний и их классификации и заканчивая оценкой политических целей наказаний в международном праве и выработкой показателей допустимости и ограничений в применении наказаний в международных отношениях.

В-шестых, представление комплексной характеристики нынешнего состояния и перспектив закрепления и реализации наказания в контексте государственно-правовой действительности. Для этого потребуются выявление специфических особенностей влияния правотворческих и правоприменительных позиций и решений на трансформацию института наказания. Существует необходимость исследования проблем выявления, назначения и исполнения наказаний в судебной и прокурорской практике. Особое внимание должно быть уделено тенденциям развития института наказаний в современном российском праве и перспективам дальнейшего совершенствования института наказания в условиях социальной нестабильности.

References / Список литературы

- Alekseev, S.S. (1995) *Theory of law*. 2nd ed. Moscow, BEK Publ. (in Russian).
Алексеев С.С. Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 1995. 311 с.
- Babaev, M.M. & Pudovochkin, Yu.E. (2016) Criminal punishment as a reflection of cultural attitudes of the society. *Society and law*. (4), 11—17. (in Russian).

- Бабаев А.А., Пудовочкин Ю.Е.* Уголовное наказание как отражение культурных установок общества // *Общество и право*. 2016. № 4. С. 11—17.
- Bocharov, V.V. (2017) Power and Taboo: On the Cultural-Psychological Sources of Traditionalism. *Cultural-Historical Psychology*. (4), 109—117. (in Russian).
- Бочаров В.В.* Власть и табу: о культурно-психологических истоках традиционализма // *Культурно-историческая психология*. 2017. Т. 13. № 4. С. 109—117.
- Borisov, S.N. & Goryainova, A.S. (2019) Punishment as a philosophical concept. the problem of escaping contexts. *Bulletin of the Moscow state University of culture and arts*. (1), 37—44. (in Russian).
- Борисов С.Н., Горяйнова А.С.* Наказание как философский концепт. Проблема ускользающих контекстов // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2019. № 1. С. 37—44.
- Dolgoplov, K.A. (2020) Society's attitude to the sentencing system in Russia as a factor of stability of the social system. *Russian Economic Bulletin*. (4), 268—273. (in Russian).
- Долгополов К.А.* Отношение общества к системе назначения наказания в России как фактор стабильности социальной системы // *Russian Economic Bulletin*. 2020. Т. 3. № 4. С. 268—273.
- Elchaninov, V.A. (2015) On the issue of prohibition and taboo. *Philosophical descripts*. (13), 15—21. (in Russian).
- Ельчанинов В.А.* К вопросу о запрете и табу // *Философские дескрипты*. 2015. № 13. С. 15—21.
- Fraser, D.D. (2001) *The Golden Branch: A Study of Magic and Religion*. Vol. 1. In: translation by Ryklin, M. Moscow, TERRA-Book Club Publ. (in Russian).
- Фрэзер Д.Д.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии: в 2 т. Т. 1 / пер. с англ. М. Рыклина. М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 2001. 528 с.
- Freud, Z. (1923) Totem and taboo. Psychology of primitive culture and religion. In: translation by Wulf M.V. Moscow, State Publ. (in Russian).
- Фрейд З.* Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии / пер. М.В. Вульфа. М.: Государственное изд-во, 1923. 170 с.
- Hadfield, G.K. & Weingast, B.R. (2013) Law without the State: Legal Attributes and the Coordination of Decentralized Collective Punishment. *Journal of Law and Courts*. (1). 3—34.
- Helvetsy, K.A. (1938) *About mind*. Moscow, State socio-economic Publ. (in Russian).
- Гельвеций К.А.* Об уме. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1938. 397 с.
- Kirillov, V.I. & Starchenko, A.A. (2008) Logic: textbook for law schools. 6th ed. Moscow, TK Velby Publ., Prospekt Publ. (in Russian).
- Кириллов В.И., Старченко А.А.* Логика: учебник для юридических вузов. Изд. 6-е, перераб. и доп. М.: ТК Велби, Проспект, 2008. 240 с.
- Komarov, S.A. (2022) General theory of state and law: textbook for universities. 10th ed., Rev. and add. Moscow, Yurayt Publ. (in Russian).
- Комаров С.А.* Общая теория государства и права: учебник для вузов. 10-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2022. 528 с.
- Kryuchkov R.A. (2015) From sin and taboo to roman law: the history of the development of risk phenomena. *Eurasian Law Journal*. (7), 135—138. (in Russian).
- Крючков Р.А.* От греха и табу к римскому праву: история развития рискованных явлений // *Евразийский юридический журнал*. 2015. № 7. С. 135—138.
- Kuznetsov, A.P. & Kurdyukov, S.I. (2019) Goals of criminal punishment: theoretical and applied research. *Russian Justice*. (3), 4—7. (in Russian).
- Кузнецов А.П., Курдюков С.И.* Цели уголовного наказания: теоретико-прикладное исследование // *Российская юстиция*. 2019. № 3. С. 4—7.

- Malin, P.M. (2011) Necessity to integrate systems theory into the study of progressive system of execution and serving of criminal sentences. *Penal Law* (2), 80—83 (in Russian).
Малин П.М. О необходимости учета теории систем в изучении прогрессивной системы исполнения и отбывания уголовных наказаний // Уголовно-исполнительное право. — 2011. № 2. С. 80—83.
- Malko, A.V. (2018) Russian legal policy in the sphere of punishments: the need for forming a concept. *State legal research*. (1), 15—20. (in Russian).
Малько А.В. Российская правовая политика в сфере наказаний: необходимость формирования концепции // Государственно-правовые исследования. 2018. № 1. С. 15—20.
- Maureen, A.S. (2020) Arsenal the Cycle of Punishment in Producing Society. *Inquiries Journal*. 12(10). Available at: <http://www.inquiriesjournal.com/a?id=1809> [Accessed 04th July 2022].
- Radcliffe-Brown, A.R. (2001) *Structure and function in a primitive society: Glasses and lectures*. In: Artemova, Yu.A. & Artemov, A.G. (eds.). Moscow, Eastern Literature Publ. (in Russian).
Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе: Очерки и лекции / пер. с англ. О.Ю. Артемовой, А.Г. Артемова. М.: Восточная литература, 2001. 303 с.
- Raponi, S. (2015) Is Coercion Necessary for Law? The Role of Coercion in International and Domestic Law. *Washington University Jurisprudence Review*. (1). 35—38 (in English).
- Rodionova, A. (2010) Legal punishment: concept, characteristics, purposes. *Modern Law*. (6), 18—20. (in Russian).
Родионова А.С. Правовое наказание: понятие, признаки, цели // Современное право. 2010. № 6. С. 18—20.
- Stromov, V.Yu. (2016) International legal punishment: system concept, general principles. *Business in law*. (4), 216—224. (in Russian).
Стромов В.Ю. Международно-правовые наказания: система, понятие, общие начала // Бизнес в законе. 2016. № 4. С. 216—224.
- Vlasenko, N.A. (2019) Risk as a legal concept and as a metaphor. *Legal technology*. (13), 136—141. (in Russian).
Власенко Н.А. Риск как правовое понятие и как метафора // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 136—141.

About the author:

Кузьмин Игорь Александрович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации; Российская Федерация, 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, д. 1

ORCID ID: 0000-0002-6478-6028; ResearcherID: J-2992-2016

e-mail: grafik-87@mail.ru

Сведения об авторе:

Igor A. Kuzmin — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Irkutsk Law Institute (branch) University of Prosecutor's Office of the Russian Federation; 1 Shevtsov str., Irkutsk, 664035, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-6478-6028; ResearcherID: J-2992-2016

e-mail: grafik-87@mail.ru